

[От его лица]

Каждый мой шаг по холодному влажному тротуару казался вечностью. Моросящий дождь покрыл меня мелкими каплями дождя, промочив до нитки. Мне было холодно, я был голоден, и моё тело болело после того, как меня столкнули с лестницы в школе.

Они все смеялись надо мной, когда я упал. Учителя даже не потрудились протянуть мне руку помощи или отправить в лазарет. Я просто надеялся, что у меня не было ничего хуже ушиба; я не мог позволить себе обратиться в больницу, или, скорее, я боялся, что обращение туда может привести к гораздо более серьёзным травмам.

С каждым шагом я продвигался вперёд, и при этом я вспомнил, что однажды сказал мне случайный старик: «Люди рождаются с определённой удачей, иногда хорошей, а иногда плохой».

Он сказал мне эти слова сразу после того, как машина чуть не сбила меня на пешеходном переходе. Это не было несчастным случаем; водитель определённо пытался меня переехать. Впоследствии он даже пожаловался полицейским, что промахнулся, но, несмотря на всё это, его даже не оштрафовали, не говоря уже о том, чтобы отправить в тюрьму.

Я покачал головой, пытаясь не вспоминать тот пугающий момент. Тяжёлый вздох сорвался с моих губ, когда я остановился, чтобы посмотреть на небо. Как раз в этот момент мимо проехала машина, которая даже не потрудилась объехать большую лужу посреди дороги. Поток холодной воды ударил мне прямо в лицо, как будто я уже не промок до костей.

— Гав! Гав! - Залаяла на меня собака.

Я обернулся и увидел эту маленькую дворняжку, это был бостонский терьер. Маленький засранец побежал прямо на меня, волоча за собой поводок. Он даже не колебался ни секунды, прежде чем вонзить зубы в мою лодыжку.

— Ай! - Я вздрогнул.

Конечно, это было больно, какая собака не кусалась? Помимо потока боли, я почти сразу почувствовал тёплую кровь, капающую из проколотых ран, нанесённых собачьими зубами.

— Педро! Педро! - Крикнула владелица, когда она подбежала к нам в своём жёлтом плаще, бьющемся от мороси, и её ботинки разбрызгивали воду направо и налево.

Собака отреагировала на зов своей хозяйки и отцепила зубы от моей лодыжки. Она завиляла своим маленьким хвостом и несколько раз гавкнула в её сторону. Я наклонился и прикрыл рану рукой. Это было больно, но, по крайней мере, не было перерезанных сухожилий или вен, так что я всё ещё мог нормально ходить, и если мне повезёт, то после заживления даже не

останется следов.

— Что ты делаешь с моей собакой?! - Закричала женщина.

Я посмотрел на неё, приподняв бровь. Разве она не видела, что это её питомец укусил меня? Я даже не прикоснулся к этому маленькому ублюдку!

— Ваша собака... Ай! - Я попытался сказать, но прежде чем я успел закончить свои слова, женщина безжалостно ударила меня своим зонтиком, как бейсболист, отбивающий хоумран битой.

Удар пришелся мне в лоб, отбросив меня на спину. Я приземлился в кустах у тротуара. Ветки царапали меня, и в голове у меня стучало как сумасшедшее. В ушах у меня звенело, но, по крайней мере, я всё ещё был в сознании. Если бы я не был уверен, я бы сказал, что она вложила всю свою силу в этот один удар.

— Тьфу... Почему вы ударили меня? - Спросил я со стоном, потирая лоб.

— Ты извращенец! Ты плохой человек! Как ты смеешь пытаться... причинить вред моему Педро! Хм! - Крикнула она мне.

Я посмотрел на неё, пораженный ложными заявлениями, которые она бросила в мою сторону, а затем смотрел, как она уходит, как будто ничего не случилось. На мгновение я задумался, может быть, у этой женщины не всё в порядке с головой.

Со вздохом на губах я села и посмотрела на рану на своей ноге. Используя собранные капли дождя, я, как мог, очистил его от крови и грязи. Когда я закончил, я не пытался догнать её, чтобы высказать ей своё мнение. С моей удачей я наверняка попал бы ещё в три или четыре аварии, прежде чем добрался бы до неё. Другая причина, по которой я не пошёл за ней, заключалась в том, что вся возможная ненависть, отвращение или негативные эмоции, которые я испытывал к ней в результате моего нынешнего затруднительного положения, уже исчезли в мгновение ока.

Кто-то другой побежал бы за ней, обматерил бы её, бросил бы камень ей в лицо; может быть, кто-то другой, но не я. По какой-то причине я никогда не мог собрать и использовать эту негативную волю, чтобы причинить кому-то вред, что для других было так же просто, как торт.

Медленной прихрамывающей походкой я продолжал двигаться вперёд, надеясь, что на этом моё невезение на сегодня закончится.

Куда бы я ни посмотрел, я видел людей, которым повезло больше, чем мне когда-либо в жизни. Они нашли любовь, у них была работа, люди были добры друг к другу, абсолютная полная противоположность мне. Оглядываясь назад на свою жизнь, я никогда не мог сказать, что у меня когда-либо были моменты счастья или удачи, как назвали бы их нормальные люди. По всем стандартам моя жизнь была полным и абсолютным кошмаром почти со всех мыслимых точек зрения.

По крайней мере, можно сказать, что для семнадцатилетнего я был далёк от нормы. Но с чего я мог бы начать объяснять это должным образом? Может быть, было бы лучше вернуться к самому началу моей жизни?

Ну, я родился в обычной семье офисных работников в США, штат Вашингтон, округ Колумбия. Странно было то, что даже когда я был в утробе матери, я мог вспомнить, как она жадно проклинала само моё существование, умоляла Бога убить меня, она даже ударила себя в надежде заставить меня исчезнуть из её жизни. К сожалению или к счастью, в зависимости от точки зрения, я родился, как и любой другой здоровый ребёнок в больнице.

Может быть, очень странным, извращённым образом поведение моей матери, вероятно, считалось бы понятным, если бы я был результатом изнасилования или чего-то подобного, однако я был ребёнком, рожденным от любви, так почему же она так сильно ненавидела меня? Я никогда не мог найти разумного объяснения, кроме того, что, возможно, она была не такой уж вменяемой, какой казалась.

Однако в том возрасте я технически не должен был ничего помнить, но я родился с единственной в своём роде совершенной памятью. Зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, мысли – всё было записано моим мозгом. Временами мне казалось, что единственная причина, по которой мне сделали такой подарок, заключалась в том, чтобы лучше запомнить побои и страдания, которые я получал на протяжении всей своей жизни. Вот почему, даже по прошествии стольких лет, я всё ещё совершенно отчётливо помнил, что произошло, когда мой отец попытался взять меня на руки в самый первый раз. Тогда, в своей невинности, я думал, что он сделал это из заботы и любви ко мне. Довольно скоро я понял, что это не так. Его большие крепкие пальцы обхватили мою маленькую шею, и он попытался задушить меня изо всех сил. Он плакал и кричал на меня, как дикий зверь. Потребовались три медсестры и хорошая доза успокоительного, чтобы успокоить его.

Несмотря на их странное поведение, службы защиты детей не оттащили меня от них. Они оставили меня на их попечение, как будто ничего не случилось. Что ж, их «забота» длилась недолго. Как только мы вышли за ворота больницы, моя любящая мама выбросила меня в первый попавшийся мусорный контейнер. Последнее воспоминание, которое у меня осталось о ней, было, как она улыбалась с ошеломляющей радостью и счастьем прямо перед тем, как совершить этот жестокий и неумолимый поступок.

Обычно я должен был умереть там, но этого не произошло.

Мои крики от страха, голода и одиночества привлекли чьё-то внимание. На первый взгляд она выглядела как милая пожилая леди. Она с большой осторожностью подняла меня и прижала к груди, похлопывая по спине и поглаживая по голове, чтобы успокоить. Когда моё сопение затихло, она отошла от мусорного контейнера. Как любящая бабушка, она крепко прижала меня к себе, но как только я добрался до её дома, всё изменилось к худшему.

Вместо того чтобы положить меня на кровать, она положила меня на стол, на большое блюдо. Как невинный младенец, я оглядывался вокруг большими глазами, сосал большой палец и пытался понять, где я нахожусь. Даже если бы я был слишком мал, чтобы как следует видеть, я всё равно мог различить пару теней и несколько странных форм.

Тем временем старушка начала петь мне колыбельную, пока точила свои ножи. Я понятия не имел, что со мной будет дальше. Старушка привела меня к себе не для того, чтобы заботиться обо мне, она привела меня туда, чтобы съесть. Я должен был стать её следующим блюдом.

Закончив с ножами, она подошла к столу и посмотрела на меня голодными глазами. Меня должны были нарезать кубиками и приготовить в качестве её странного деликатеса, но как раз в этот момент раздался громкий шум за дверью, вскоре послышались крики и выстрелы. Я

понятия не имел, что происходит вокруг меня, но мне стало страшно, и я начал плакать. Я захныкал, как испуганный маленький ребёнок, которым я и являлся.

Мгновение спустя я мог слышать только сирены полицейских машин снаружи, разговоры офицеров, задерживавших старую женщину. Согласно газетной вырезке, которую мне удалось найти много лет спустя, пожилая леди была не более чем отъявленной каннибалкой на свободе, которой уже довольно давно удавалось ускользать от полиции. Прохожий увидел, как старушка забрала меня из мусорного контейнера, и вместо того, чтобы направиться в больницу, она пошла в другую сторону. После телефонного звонка в полицию детективы были проинформированы об этой зацепке, и вскоре после этого они были у её порога.

По крайней мере, так обстояли дела в средствах массовой информации. Что было интересно, так это то, что обо мне вообще не упоминали. Офицеры нашли меня там, где старушка оставила меня, на тарелке, хнычущего и плачущего. Один из полицейских подобрал меня, но точно так же, как это случилось с моим отцом, он внезапно почувствовал желание причинить мне вред. К счастью, он передал меня другому полицейскому до того, как случилось что-то плохое.

Следующее, что я осознал, было то, что я нахожусь в каком-то странном месте. Было холодно, странно пахло, и вокруг меня никого не было. Если бы я мог догадаться, может быть, меня бросили в тюрьму? Что ж, учитывая то, как люди вели себя вокруг меня в то время, не было бы ничего удивительного, если бы это было так.

Таким образом, мне не исполнилось и месяца, а я уже отбывал срок за преступление, заключающееся в том, что я был жив...

Я не оставался там слишком надолго. Уже на следующий день меня забрали две монахини из местного католического приюта. Обычно моя удача должна была измениться, но по какой-то странной причине мои новые опекуны всегда забывали покормить меня, а местный священник время от времени пытался изгнать из меня предполагаемых демонов.

Каждый день я был голоден, одинок, напуган и плакал. У меня не было никого, кто мог бы прийти мне на помощь, некого было позвать... Сама моя жизнь висела на тонкой ниточке, готовой оборваться в любой момент. Даже сейчас я сильно сомневаюсь, что смог бы продержаться слишком долго в тех обстоятельствах. Самое смешное было то, что я был не единственным, кто находился на их попечении. Там было ещё трое младенцев, но, в отличие от меня, все они были усеяны монахинями и священником. Их кормили в нужное время, успокаивали, когда они собирались заплакать. Их любили, о них заботились, с ними постоянно играли. В отличие от меня, они получили абсолютно всё, что им было нужно. Это было почти так, как будто взрослые намеренно пытались убить меня из-за пренебрежения, потому что это был очень хороший способ, с помощью которого я, невинный ребёнок, мог пострадать больше всего.

В то время я не мог спросить или задаться вопросом, почему Бог был так жесток ко мне. Почему он заставил меня страдать и проклял само моё существование таким образом? Разве я не был такой же душой, как все остальные? Разве я не заслуживал такой же любви и заботы, как любой другой ребёнок? За какой невыразимый грех я был осужден, что даже мои собственные родители из плоти и крови хотели убить меня и бросить с того самого момента, как я вошёл в их жизнь? Моя смерть и страдания, казалось, приносили радость всем, кто меня окружал.

Как только я подумал об этом, мимо меня проехала машина, проехавшись по всем лужам на пути. У меня была всего доля секунды, чтобы увернуться, но при этом я споткнулся и приземлился на пятно грязи всего в шаге от меня. Осколок стекла порезал мне руку, оставив красную линию возле мизинца. Свежая рана саднила и болела, но я не обращал на это внимания. Я оттолкнулся от земли и продолжил идти домой.

— Ещё один порез... ещё один день... - Сказал я себе, заставляя себя проглотить боль и продолжать двигаться.

Продолжая историю моей жизни, скажу, что прошло несколько месяцев после того, как меня приняли монахини католического приюта. Я похудел, и каждая минута моего существования казалась живым кошмаром. Единственный раз, когда они вспоминали о том, чтобы искупать меня, это когда запах становился невыносимым для всех. К сожалению, именно тогда они и попытались меня утопить. К счастью для меня, им всегда удавалось прийти в себя до того, как они совершили этот ужасный поступок.

Боясь, что я, в конце концов, сведу монахинь и священника с ума, они решили избавиться от меня. Таким образом, я был продан за невероятную цену в 20 долларов сомнительной паре. Монахини понятия не имели, но люди, которым они меня продали, были шайкой работоторговцев. Они купили меня с единственной целью вырастить как раба, а затем продать тому, кто больше заплатит.

Так начались мои следующие семь лет сущего ада. Они обращались со мной не более чем как с животным, но точно так же, как это случилось тогда в церкви, у этих людей были такие же тёмные намерения по отношению ко мне. Среди всех тамошних рабов со мной обращались хуже всех, меньше всего кормили и больше всего били. Не проходило и дня, чтобы я не плакал, потому что чувствовал боль и страдание, когда тёплые слёзы текли по моим щекам.

В течение семи лет они относились ко мне именно так, пока, наконец, за мной не пришёл покупатель. К моему удивлению, те, кто предложил купить меня, на самом деле были моей старой семьёй, той самой, которая пыталась убить меня после моего рождения и бросила в мусорном контейнере. Я не мог узнать их лиц, но я узнал их голоса. Так я узнал, что они мои биологические родители.

Меня продали по дешёвке, всего за пару бенджаминов. Они даже не узнали меня, но я узнал, и всё же я не мог назвать их отцом и матерью. Причина, по которой они купили меня, была довольно проста: я был им нужен не более чем как раб и замена ребёнку, которого они бросили давным-давно. Таким образом, я весело стал своей собственной заменой.

В тот день я встретил своего младшего брата. Он приветствовал меня, пытаясь проткнуть вилкой. Меня спасли мои родители. Они отругали мальчика, сказав ему, что он никогда не должен тратить на меня хорошую вилку. По крайней мере, можно сказать, что на моём пути будет ещё много лет боли и страданий.

Месяц спустя мы переехали в Париж. Очевидно, мои родители были вынуждены сменить работу где-то в течение последних семи лет. Теперь компания рассылала их направо и налево по всему миру. В конце концов они обнаружили, что не могут приспособиться к французскому образу жизни. Измученная стрессом и тоской по дому, моя мама убедила отца подать заявление о переводе в токийский филиал. Вот так, год спустя, мы были на пути в Японию, на родину моих прадедушки и прабабушки со стороны отца.

На бумаге я был их сыном, но в реальной жизни я был их «домашним животным» или более современной версией раба. Они не хотели, чтобы власти вынюхивали, почему они всё время держали меня дома, поэтому они пошли и записали меня в обычную школу. Они выбрали одну из них наугад, и им было всё равно, что она находится в часе ходьбы отсюда.

Не нужно было быть гением, чтобы понять, что не только мои родители, но и весь мир, от лучших до худших, обращался со мной таким ужасным образом.

На следующем перекрёстке меня встретили два знакомых лица. Они оба были учениками моей школы и были моими одноклассниками до прошлого года, когда они произвели перестановки в классе. Они вели себя со мной так же, как и все остальные, несмотря на то, что тоже не стояли так высоко в социальной иерархии.

— О, смотрите! Если это не неудачник из школы!

Эти слова ненависти были брошены в меня печально известным отаку класса. Он был толстым, носил очки, не утруждал себя заботой о личной гигиене, всегда винил других в своих недостатках, а также был извращенцем, который часто пытался заглянуть под юбку молодой учительнице. Обычно он должен был стать мишенью школьных хулиганов, но вместо этого все показывали на меня пальцами.

Однажды этого парня поймали за подглядыванием, и меня, случайно проходившего мимо, внезапно обвинили в том, что я смотрел на них, и это каким-то образом стало большим преступлением.

Я поднял голову с земли и с улыбкой ответил на его невежливое приветствие.

— Ты должен пойти и покончить с собой, урод! - Крикнул другой мальчик, который был его другом.

Этот парень, так или иначе, был нормальным по сравнению с подглядывающим Томом.

— Ты никому не нужен! Иди умри! - Крикнул отаку.

Они всегда бросали в меня подобные замечания, и хотя я думал, что однажды они перестанут причинять боль, они так и не сделали этого. Закрыв глаза и сильно закусив губу, я продолжал идти, не обращая внимания на боль в руке и ноге. Я изо всех сил старался не обращать внимания на их слова. Смерть не принесла бы мне никакой пользы. Все были бы вне себя от радости, если бы я закончил свою жалкую жизнь, вот почему я продолжал жить дальше.

По крайней мере, можно сказать, что с тех пор, как мне разрешили ходить в школу, моя жизнь точно не изменилась к лучшему. И люди на улицах, и те, кто учился в школе, смеялись надо мной, показывали пальцами, как будто я был худшим живым существом на свете. Некоторые студенты даже зашли так далеко, что ударили меня или испортили те немногие книги и тетради, которые у меня были. Я привык просто прятать те немногие вещи, которые у меня были, и доставать их только тогда, когда был уверен, что учитель собирается меня о чём-то спросить. Моя память много раз спасала меня от плохих оценок, но даже если бы мои ответы были идеальными, я всё равно получил бы низкую оценку. Учителя никогда не ставили мне соответствующих оценок, был даже один, который действительно издевался надо мной вместе с остальными моими одноклассниками.

Все ненавидели меня, как будто я был каким-то микробом, которого нужно было уничтожить с

помощью пыток. Я вырос, зная, что я – существо, которое навлекает на себя только ненависть и презрение...

Из-за этого я даже не мог решиться завести друзей, не говоря уже о том, чтобы влюбиться в девушку. Моя жизнь была игрушкой как для людей, так и для животных. Мне некуда было отступить, найти утешение или расслабиться, даже Бог и его ангелы обрушили на меня ненависть. Я жил каждый день в страхе и ужасе от того, что может случиться со мной дальше. Единственное, что я знал – это боль и страдания, но я не мог заставить себя ненавидеть Бога или свою собственную судьбу. Я не мог ненавидеть тех, кто хотел лишь причинить мне вред. Я не мог презирать свою семью за то, как ужасно они обращались со мной. Я не мог схватить кухонный нож, вонзить его в их сердца и смотреть на них, смеясь над тем, как их жизни ускользали с каждой каплей крови, пролитой на твёрдый холодный пол...

Нет, это был не я.

Хотя я жил в мире, который умел только ненавидеть меня, вместо того, чтобы проявлять те же чувства и действовать в соответствии с ними, я питал любовь... Я любил свою семью и всех, кто меня окружал. С другой стороны, всё это время, возможно, это был единственный способ, которым они могли проявить любовь ко мне, извращенную любовь, окутанную только ненавистью и страданием.

Это была единственная мысль, способная облегчить мою боль, единственная мысль, которая на короткое мгновение могла остановить слёзы горя, стекающие по моим щекам. Та же самая мысль, которую я постоянно повторял в уме, пока шёл домой, если это вообще можно так назвать.

Когда мы переехали в Токио, моя семья купила дом с тремя спальнями, одной гостиной, двумя ванными комнатами и одной кухней. Они специально выбрали квартиру в здании с плоской крышей, чтобы держать меня там. Я был рабом, домашним животным, поэтому со мной нужно было обращаться как с рабом. Не имея ничего, кроме нескольких картонных коробок для укрытия и нескольких газет вместо одеял, я провёл там последние десять лет. В семнадцать лет, в то время как другие подростки беспокоились о любви, экзаменах и вечеринках, я беспокоился о еде и крове. В то время как они боялись, что не получают новейшие технологии в подарок от своих родителей, я боялся ужасных холодных ночей, воя бездомных собак, встреч с местными хулиганами и приказов моей собственной семьи.

За всю мою жизнь не было ни одного человека, который проявил бы ко мне хотя бы малейший признак привязанности. С другой стороны, что такое любовь? Хотя я знал и по какой-то причине понимал это, я никогда не испытывал этого за всю свою жизнь. Из того, что я мог сказать, я знал, что это должно быть противоположностью ненависти, того, что я постоянно чувствовал, когда мир погружал меня в себя.

Если даже Бог не может полюбить меня, то какая у меня может быть надежда быть любимым другой душой в этом мире? Какая у неё могла быть причина, чтобы приблизиться ко мне и вместо того, чтобы вонзить мне нож в сердце, заключить меня в свои объятия? Было ли так плохо просить о чём-то подобном? Неужели самой Вселенной было так трудно исполнить моё такое желание? Желание не жить в боли, одиночестве и страданиях?

Я вошёл в свой многоквартирный дом и начал выжимать воду из одежды. Я был в беспорядке, и я знал, что мне придётся постирать свою одежду позже, то есть, если они мне позволяют, если нет, то я буду вынужден сделать это, пока они не смотрят.

— Эй! Майкл! - Я услышал, как он звал меня.

Подняв глаза, я увидел своего брата с широкой ухмылкой на лице. Дрожь страха пробежала у меня по спине.

— Да, господин? - Я спросил.

На нём была повседневная одежда, пара джинсов с прикреплённой к ним цепочкой, футболка со странным рисунком и кроссовки на ногах. У него были короткие колючие волосы и худощавое телосложение. Он был не очень высоким, если говорить о росте, немного ниже меня. Судя по его одежде и сложенному зонтику в правой руке, я предположил, что он собирался уходить.

— Мама и папа хотят тебя видеть! Семейное собрание, так что тащи свою задницу вверх! - Сказал он и плюнул мне в лицо.

Я вздрогнул и отвёл взгляд.

— Сейчас же! - Приказал он мне.

Мои ноги задрожали, и я кивнул. Неохотным шагом я прошёл мимо брата и поднялся по лестнице. Он прищёлкнул языком, несколько раз обругал меня, а затем вышел из квартиры, хлопнув за собой дверь.

Когда я вытирал его слюну со своей щеки, единственный вопрос, который приходил мне в голову, был: «будет ли это больно или нет, что бы мои родители ни приготовили для меня?»

<http://tl.rulate.ru/book/30657/1750953>